

О СЧАСТЬЕ
И О ЗЛЕ

РЕНАТА
ЛИТВИНОВА

Рената Литвинова
О счастье и о зле

«СЕАНС»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Литвинова Р. М.

О счастье и о зле / Р. М. Литвинова — «СЕАНС», 2022

ISBN 978-5-6047263-8-9

В книгу вошли избранные сценарии и кинотексты Ренаты Литвиновой — замечательной актрисы и режиссера, но прежде всего уникального драматурга, чей голос во многом определил звучание нашего времени. По ее произведениям снимали свои фильмы Кира Муратова, Валерий Тодоровский, Валерий Рубинчик. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6047263-8-9

© Литвинова Р. М., 2022
© СЕАНС, 2022

Содержание

Нелюбовь отрывочные события, переживания, попытки в течение семи дней	6
На следующий день	10
Первая встреча	12
Критический солнечный день	14
Понедельник (первая половина дня)	18
Понедельник (вторая половина дня)	19
Еще один день вместе	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рената Литвинова О счастье и о зле

© Рената Литвинова (текст, графика)
© Сеанс (макет)
© Асет Героева (фотографии)

Нелюбовь отрывочные события, переживания, попытки в течение семи дней

ажар а-ой

– С моей бабушкой случилась такая несправедливость в жизни показательная! – сказала Маргарита своему молодому кавалеру, который сидел за столиком напротив нее, сжимал ей руку, и взгляд у него был покорный. Она потрогала на ощупь его ладонь, высунула оттуда свою руку и продолжила: – В тысяча девятьсот тридцатом году она не знаю как оказалась в деревне. И ей нужно было под вечер возвращаться на станцию, чтобы успеть к поезду. Понимаешь? – Она вздохнула. Глаза его не меняли своего выражения независимо от произносимых слов. – Ответь мне. – Тогда он кивнул. Она отвела взгляд от него и стала рассказывать дальше. – Было уже темно, надо было ехать мимо леса. Она очень торопилась. Она была женщина обаятельная, по фотографиям. У нее было много поклонников. У нее были малиновые загадочные губы и раскосые глаза, такое белое лицо, все говорят, что она была вполне красавицей. Как на твой вкус, тебе нравятся такие? – спросила она. Тот стал раздумывать, потер себе лоб. Она не стала дожидаться, пока он придумает, она и так знала, что бабушка была красавицей. – Так вот ей дали лошадь по знакомству, чтобы она добралась до станции. Она села в повозку, она не умела управлять, но лошадь знала дорогу, и она выехала поздними сумерками, ее уговаривали остаться переночевать, она не согласилась, и с тех пор ее никто не видел. – Маргарита вздохнула, припоминая лицо бабушки на фотографиях. – Нашлась лошадь и повозка, а бабушку не смогли найти. Но весной разнесся такой слух, будто в разрушенной церкви вдруг под провалившимся куполом таким островком выросла пшеница! А знаешь, был большой голод. Все туда побежали, церковь стояла у леса, заброшенная. Один крестьянин копнул лопатой... чуть-чуть, прямо в то место, откуда росла пшеница непонятная, и наткнулся на что-то твердое... Стали раскапывать, и это оказалась моя убитая бабушка, которую едва замели землей. Оказывается – ее спутали с кем-то, кто ходил и отбирал хлеб, и убили для назидания, по ошибке! А убив, разрезали ей живот и засыпали туда пшеницы, которая весной и проросла! Иначе бы и не нашли, наверно... – Рита остановилась в своем рассказе. Она потрогала свою челку, в порядке ли ее прическа. Вздохнула.

Рите было двадцать лет. У нее было еще довольно припухлое щекастое лицо. У нее была манера – хватать себя за горло правой рукой. Она немного сутулилась, говорила тонким голосом и заворачивала одну ногу за другую.

– Ты представляешь, ведь ее отговаривали, а она отвечала: нет, нет, я поеду. Это правда, что смерть зовет, – сказала она патетически так, что молодой ее Миша вздрогнул и еще сильнее задумался. – Вот мне кажется, что я буду долго жить, дольше всех, всех перехороню, или мне кажется, ты меня заревнуешь и убьешь в спину, да? – Она шевельнула его рукой. Тот сказал ей:

– Не-е-ет!

– Бедная у бабушки судьба, – подвела итог Рита, – знаешь, какая она у нее? Как ты думаешь, какая? Нельзя определить. Просто судьбоносная судьба. Судьбоносная судьба, – повторила она. Она оглянулась вокруг, на людей, особенно ей интересны были женщины. Они сидели в фойе выставки фотографий одного известного фотографа и пили кофе. Выставку смотреть Рите было лень встать, поэтому пока для начала они пили-пили кофе до самой последней усталости, и Рита рассказывала ему свою жизнь. Миша же все осмысливал очень основательно, отвечать не успевал, поэтому только пока выразительно молчал, подперев свой нос загнутым в колечко пальцем, как на старых жеманных фотографиях подпирают подбородки. Еще он умел

очень шумно и глубоко выдохнуть и вдохнуть, у него были «говорящие» круглые глаза и пухлый рот. Рита огляделась по сторонам и спросила:

– Ты бы мог ограбить квартиру? А?

– Я не люблю насилия, – сказал он, кхекнув.

– А какие это насилия? Насилие только над одной дверью, – изумилась она его моментальной трусости. Он пожал плечами, делая мудрое лицо. Она опять вспомнила про «судьбоносную судьбу» и сказала: – Никто не знает своей судьбы, да? Ведь смотреть в будущее – это грех, но я думаю, себе можно что-то напрогнозировать, и тогда это сбудется, поэтому себе не надо предвещать плохого, – сказала она ему свой опыт. – А мне все думается и думается что-то особенно трагическое... Послушай, ну что ты такой... немножко тупой? – стараясь говорить ласково, спросила она и передразнила выражение его лица с толстыми губами.

– А я вовсе не тупой, – не согласился он. – Мне хорошо тебя слушать.

– А я вчера... мне одна девушка рассказала, что они пошли куда-то в кафе. Две девушки. Выпили в кафе. Ужасно скучно им было в жизни в тот вечер, и на беду им какой-то пожилой старичок подмигнул. Они и пошли с ним гулять. Зашли в сквер. Уже была почти ночь. Сели там на скамейку, стали пить шампанское, прямо из бутылки. Старичок посадил одну себе на колени, стал раскачивать ее, она стала его щекотать. Он, эта девушка мне рассказывает, стал хохотать. Видно, на него это очень подействовало. Другая девушка тоже подхватила, и они вдвоем стали его щекотать и зашекетали насмерть. Он упал со скамейки на землю, сшиб бутылку, ему сделалось дурно, и эта девушка мне рассказала, что у него глаза закатились и что он умер. И они побежали из парка, обгоняя друг друга, и, представляешь, хохотали!.. – Может, он все-таки выжил? – с сомнением спросил Миша.

– Не ходи ты в скверы, – посоветовала ему Рита, вздохнув и опять оглядываясь и вспоминая еще какую-нибудь историю.

– Да я и не хожу, – сказал он простодушно, – ты же знаешь. Я все время дома сижу, жду твоего звонка, а ты всегда обманываешь.

Она не любила выяснять такие скучные темы, она показала ему в окно и сказала:

– Дождь, погода совсем больная какая-то. – И опять повторила: – Судьбоносная судьба.

Миша вздохнул. В окно Рита увидела, как подъехал автомобиль, из него вышел мужчина в свитере и стал, прищуриваясь, смотреть на окна выставки.

Это был тот самый фотограф, чьи фотографии представлялись в зале. Он не понимал, зачем, по большому счету, он приехал на эту свою выставку, хотя он назначил одну неточную встречу здесь, но приехал он не ради нее, а от одиночества и скуки, которая охватила его дома, когда он посмотрел в окно на начинающийся дождь, и поэтому он сел в машину и приехал для начала на свою выставку. Ему было пятьдесят пять – пятьдесят семь лет. И с первого взгляда он совсем не казался признанным фотографом, потому что немного был похож на алкоголика, лицо у него было чуть испитое и смуглое. Он закурил, заходя на территорию выставки и уже заранее скучая и жалея, что ему некуда девать себя в этот свободный свой период жизни. Он зашел, и его все сразу стали узнавать, пока он шел по фойе прямо ровно посередине, прищуриваясь, с пустыми праздными руками, удивительно уверенно посматривая по сторонам.

Рита в этот момент стояла уже у стены, согнув одну ногу в колене и приставив ее к стене. На ней – короткая юбка, голые ноги без чулок. Она грызла длинную прядь волос и тоже смотрела на фотографа. Были чьи-то шепоты: вот он, вот он и так далее. Все оборачивались на него, чуть расступаясь. К нему сразу подошли какие-то знакомые: один – похожий на гусара с усами и молодая женщина с широко поставленными глазами и порочной какой-то полуулыбкой, и еще лысоватый мужчина с маленьким размером ноги, очень бросающимся в глаза, и извинительным выражением лица, и другие. Но прежде чем они обступили его, Рита встретилась с фотографом глазами и после быстро и низко опустила голову, отчего-то смутившись.

У двух лифтов стояла толпа. Рита с Мишей присоединились к ней. Рита заметила фотографа. Он стоял рядом. Он был в белом свитере, лицо казалось чуть подсвеченным снизу. Открылся лифт. Миша зашел с общей толпой в него. Рита осталась, махнула ему, чтобы он не выходил, он собирался уже выйти, но не успел.

Рита поехала в другом лифте с фотографом. Он стоял рядом с ней и улыбался, словно подбадривая что-то спросить у него. На самом деле он хотел, но не умел знакомиться, не решался, поэтому улыбался. Она спросила его:

– Это правда, внизу ваша выставка? Все в лифте посмотрели на них.

Миша ждал ее наверху. Она вышла из лифта вместе с не знакомым ему известным фотографом и сказала ему:

– Привет.

Но это было слишком неожиданно холодно для их влюбленных отношений. Он удивленно посмотрел на нее.

– Это мой знакомый. Миша, – представила его Рита.

– Здравствуйте, – почтительно сказал Миша старшему по возрасту мужчине. Фотограф протянул ему руку.

– Очень приятно, – сказал он, тут же отворачиваясь и теряя к нему интерес. Миша потоптался на месте. Рита с сочувственной улыбкой посмотрела на него. Обращаясь сразу к двоим, она сказала:

– Я натерла ноги. У меня новые туфли. Давайте посидим, пока не началось. – Все посмотрели на ее новые туфли. Они пошли и сели втроем в кресла. Фотограф спросил:

– Что-то выпьете? – Она кивнула. Он встал, отошел купить ей выпить.

– Что? – спросила Рита у Миши.

– Ничего, – ответил он, вглядываясь в ее лицо. Он размышлял, почему она так странно с ним говорит, ведь это он пригласил ее сюда. Он ничего не понимал: – Я бы мог тебе купить. Между тем вернулся фотограф. Отдал ей стакан. Миша критически посмотрел на нее из своего кресла. Мимо них побежали люди.

– Фильм начался! Фильм начался! – Пройшла мимо служительница с ключами, сжатыми в сцепленных пальцах. Никто не оглянулся на нее.

– Может, это можно выпить в зале? – спросила Рита, отпивая из своего стакана.

– Да, конечно, можно! – сказал фотограф.

Все трое встали и втроем пошли в зал. Рита спрянула стакан под кофтой. Они вошли в темный зал. Фильм уже начался. Рита чуть оступилась, фотограф первый поддержал ее. Мише вдруг показалось, что они оба объединились против него.

– Ближе надо сесть, – сказала Рита.

– Сбоку лучше, – сказал фотограф, наклоняясь к ее уху. Миша тревожно обернулся на них. Рита на ходу глотнула из своего стакана. У нее захватило дух. Сели и правда сбоку. Фотограф оказался между ними.

На экране шел цветной фильм. Пожилая женщина говорила:

– Я очень влюбилась в одного араба. Он на двадцать лет младше меня. – Она обращалась к своей молодой дочери и ее мужу: —

Я пришла сказать вам это. – Она встает, уходит.

Муж ее дочери говорит:

– Твоя мама, она того, крезанутая.

Потом эта пожилая женщина идет по темной улице, возвращаясь домой. Около подъезда ее ждет араб, тот самый, которого она любит. Он очень молодой. Он очень трепетно смотрит на нее. Она бросается к нему. Они обнимаются. Женщина эта – совсем старушка, полная немного. Они идут к ней домой. Он моется в ванной. Его показывают целиком голым в отражении запотевающего зеркала.

Фотограф говорит негромко про этого голого араба свое мнение:

– Ничего особенного.

Рита смеется на такое его замечание. Миша опять беспомощно и настороженно оглядывается на них – ему плохо слышно, над чем они смеются. Араб моется в ванной. Пожилая героиня заглядывает к нему и говорит, засмотревшись:

– Какой ты красивый.

Рита допивает свой стакан до конца. Ставит его на темный пол. Встает. Проходит мимо фотографа и Миши, цепляясь за их колени и объясняя:

– Я пойду умоюсь. Совсем опьянела. Сейчас.

Миша протяжно и умоляюще смотрит на нее. Она выходит из зала. Навстречу ей идет служительница. Она говорит ей:

– Где тут можно умыться?

Та показывает ей пальцем. Рита заметно хромает от своих новых туфель.

Она выходит из туалета. Навстречу ей идет фотограф. Оказывается, он тоже зачем-то ушел из зала.

– Как мне больно идти! – жалуется она, припадая на обе ноги сразу.

– Поехали отсюда! – вдруг предлагает он ей. – Я вас отвезу.

– А что Миша? – спрашивает она, польщенная.

– Он кино смотрит, – говорит убедительно фотограф, только что покинувший зал. – Пошли. Пускай смотрит. Не надо мешать, – просто объясняет он, как о чем-то не особенно важном.

– Да, действительно. Пускай. Фильм хороший. Я там оставила стакан на полу.

Миша сидит в зале один рядом с тремя пустующими креслами. Ему не смотрится. Он все время оборачивается, не вернулась ли Рита.

Они стоят у выхода.

– Моя машина там, – говорит фотограф.

– Я не могу, не могу идти, – говорит жалобно Рита.

– Иди босиком, что ли, – советует он. Рита снимает туфли. – Я подгоню машину!

Она стоит босиком у входа. На улице уже совсем стемнело. Зажглись фонари. С ревом машина фотографа разворачивается посередине улицы, подъезжает к Рите. Она садится. В руках у нее – по туфле. Она аккуратно ставит их на пол машины. На большой скорости машина отъезжает. Тут спускается вниз Миша. Он спрашивает у служительницы:

– Здесь не выходила девушка?

Та делает напряженное лицо, отвечает:

– Не выходила... Она хромая? – вспоминает.

– Нет.

– Не выходила.

Миша возвращается.

Фотограф тормозит на одной из улиц.

– Здесь мой дом. Подожди. Я принесу кое-что сейчас. – Он выходит из машины. Быстро возвращается. У него в руках – тапочки, правда, большого размера.

– На, надень, – говорит он ей.

– Здесь остановите, пожалуйста, – говорит она ему.

– Завтра? – спрашивает он ее, видно, уже не в первый раз. Она улыбается.

– Да. Спокойной ночи, – выходит из машины. Он слепит ее фарами с головы до ног в тапочках, со всеми подробностями. Она машет рукой. Он дает медленный газ, отъезжает.

На следующий день

Рита с Мишей стоят у двери его квартиры, в коридоре.

– Ну прости, прости меня! – говорит Рита и быстро-извинительно целует Мишу в руку. Тот отдергивает ее, печально вздыхает. Дома у Миши – большая черная собака. Она прихрамывая бежит из одного конца коридора в другой, ударяясь боком об стену, отталкиваясь и опять разбегаясь по коридору.

– Это она от радости, – говорит Миша.

Миша подзывает ее, когда она смотрит в окно: два мальчика стояли под дождем (у одного был зонт) и рассматривали мертвого голубя. Обсуждали его.

– Иди посмотри, – сказал он святым каким-то голосом.

Она подошла к столу. Он отодвинул ящик в столе. В нем лежали три маленькие Ритины фотографии. Он опять задвинул ящик.

Когда Рита была одна в комнате, она подошла и сама хотела посмотреть на фотографии. Она отодвинула ящик, но их не было. Они куда-то исчезли.

Рите захотелось под впечатлением Мишиной преданности и любви самой позвонить фотографу еще до их назначенной встречи. Она знала, что это не гордо и так не полагается делать. Она даже не знала, что ему сказать, но желание было таким сильным, что она не смогла отказать себе набрать номер его телефона. Она сделала это прямо при прохаживающемся мимо нее Мише. Он что-то хотел ей сказать, она махнула ему рукой, чтобы он сохранял тишину. Он примолк, открыв рот на полувздохе. Были гудки. Она не знала, как поступить, если подойдет кто-то к телефону.

Фотограф взял трубку и три раза сказал: «Да! Алле! Не слышно...» Она, послушав только его голос, испуганно положила трубку, боясь, что он догадается как-нибудь, что это звонила она, и назовет ее имя. Насчет Миши она не беспокоилась совсем. Она улыбнулась, когда положила трубку. Посмотрела в окно.

– Мне хочется вымыться в ванной, – сказала она, – только не заходи ко мне.

– Не закрывайся, я не войду, – сказал он, добрый такой, переминаясь с ноги на ногу.

Она послушалась его, закрыла дверь и долго смотрела на слабый, висевший на одном только гвозде замок, закрыть его или не закрыть. Но она не ослушалась. Она пустила воду в ванну. Она посидела с минуту, когда вода уже добралась до щиколоток. Она сидела на корточках, потом изменила положение и села на колени так, чтобы вода из высокого крана попадала ей на спину. Она опустила голову и закрыла глаза. Тут ей почудилось, что кто-то смотрит на нее. Она оглянулась на мутную занавеску. Правда, в том месте, где стоял туалет, кто-то сидел и, повернув в ее сторону голову – белое смазанное лицо, – смотрел на нее.

Она испуганно отодвинула занавеску, подозревая, что это обманул ее Миша и теперь сидит и пугает ее своим немым подсматриванием. Она приготовила выражение на лице, чтобы сказать ему: «Как он осмелился?..»

На унитазе сидела пожилая женщина в йодной длинной рубашке. Это была Мишина больная мама. Вид у нее был отрешенный. Она бессмысленно смотрела на Риту. Она была уже очень старая, в маразме, она никого не узнавала и плохо понимала окружающее, хотя сохраняла привычки и потребности, чтобы жить. Рита схватилась в замешательстве за край ванны, она не знала, как поступить и что сказать в такой ситуации. Мать пристально смотрела на нее, было впечатление, что ей интересно смотреть на нее, голую, она даже рассматривает ее. Глаза ее лениво «бродили зрачками» по телу Риты. Она шумно вздохнула, придерживая подрагивающими руками край ночной рубашки. Рита учтиво сказала ей:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила старуха, сохраняя достоинство в голосе и отчужденность на лице, будто они встретились на высоком приеме.

Рита опять задвинула занавеску, решив, что, может быть, мать стесняется до конца оправиться, если она смотрит на нее. Она включила воду посильнее, чтобы лишиться себя определенности звуков.

Через минуту она отодвинула занавеску, но матери уже не было. Было пусто. Она, видимо, опять отправилась спать.

Миша тем временем сидел на краю кровати своей мамы и, накручивая ей на руку истрепанную веревку: так, чтобы она не отвязалась, скрещивал ее на запястье и между большим и указательным пальцем. Его мама, признавая только Мишу, покорно смотрела на него, утопая головой со спутанными, как у ведьмы, волосами в подушке. Миша, стараясь говорить громко и упрощенно, объяснял ей:

– Ты, мама, не кричи. Ты, если тебе что-то надо будет или боль почувствуешь, дерни за эту веревку. Позови меня. Потому что другой конец я привяжу к своей руке. Поняла? – спросил он, наклоняясь к ее белому несчастному лицу.

– Не уходи, – сказала она, как ребенок иногда упрашивает родителей перед сном. – Мне страшно. Ложись со мной, – предложила она. Он поморщился.

– Мама, – повторил он. – Ты поняла систему, которую я тебе объяснил? Она беспомощно посмотрела на него.

– Ну-ка, порепетируй, дерни! – попросил он ее. Она слабо дернула. – Молодец! – сказал он.

Миша с Ритой лежали на достаточно узкой, предназначенной только для одного кровати. Миша лежал с закрытыми глазами – он дремал, хотя еще был полдень. Миша лежал с краю. Правая рука, перетянутая в запястье веревкой, свисала у него с кровати. Рита не спала. Она нашла на стене воткнутую в обои женскую шпильку. Она стала ковырять ею уже несколько прорванные обои, как ей почудилось легкое шевеление. Она обернулась. Заглянула через Мишу и увидела, как дергается его рука за протянутую из комнаты его матери веревку. Мама из своей комнаты беззвучно звала его, а он не просыпался.

Рита толкнула его. Он очнулся. Она сказала:

– Мне пора. Мне нужно уходить...

Первая встреча

Рита пришла на одну минуту раньше. Она удивилась, фотографа не было. У него в запасе была еще минута. Она прошла десять шагов вперед-назад. Его не было. Она остановилась, стала напряженно смотреть на дорогу.

Рита села на скамейку. Посмотрела на часы. Он опаздывал на сорок минут. Рита встала и медленно стала уходить от назначенного места свидания. Знаменитый фотограф не пришел.

Рита прошла метров тридцать, потом решила смириться, не гордиться, еще подождать и вернулась на прежнее место.

Это было людное место, где они договорились встретиться. Она много отвлекалась на прохожих, принимая их за фотографа. Подъезжали и уезжали все чужие машины. Так она пропустила его приезд. Он посигналил. Она повернула к нему голову. Увидела. Он думал, что же сделать, чтобы она простила его за опоздание? Он быстро открыл дверь, вышел из машины и встал на колени прямо перед своей машиной, никого не стесняясь, прямо на землю. Мотор работал. Одет он был в белый, казавшийся ему шикарным пиджак. Рита схватилась руками за щеки, смущаясь. Он все не вставал с колен, улыбаясь ей и прижимая руки к груди. На него уже оглядывались.

Рита подбежала к нему, простодушно улыбаясь и тонким голосом повторяя:

– Что вы! Встаньте, встаньте! Пожалуйста!.. – Она улыбалась, и ее блуждающие руки перемещались то на челку, то на щеки, то касались его белого пиджачного плеча.

Он вел машину очень быстро. Курил. Рита стыдливо покашливала и сжимала руки на сдвинутых коленях. Лирически смотрела в окно, стараясь не показывать беспричинную улыбку на губах. Он, покуривая, рассказывает Рите, чтобы ей было не скучно:

– ...аварий я много видел на дороге. Я всегда замечал: там, где происходит смерть, – там что-то происходит в этом возрасте! Атмосфера... Какая-то неизвестная мне сила. На всем этом месте лежит «печать»... – Не знаю, – сказала Рита. – Когда мне было шесть лет, я видела на пляже, как из кузова грузовика снимают утонувшего. – Она вздохнула. – Он утонул, бедный. Молодой. И он был белый-белый-пребелый, как мраморный. Поразительно красивый был. Нисколько мне не страшно было смотреть на него.

Он пожал плечами и тоже вспомнил:

– Я видел одну велосипедистку, она так сильно разогналась, опустив голову, что врезалась в борт впереди идущей машины. Мне говорят: поезжайте быстро мимо этого места, там авария. Но я поехал медленно, мне хотелось посмотреть. Так вот, эта велосипедистка лежала на обочине, на траве. Ноги согнуты в коленях, а лицо закрыто, как от солнца, газетой. Но были уже сумерки. Только-только что это все случилось! И самое поразительное – у нее был... живой цвет ног!..

Рита сказала:

– Давайте здесь повернем.

Они свернули в деревню, быстро проехали ее. Дорога шла теперь мимо леса.

– Уже закат! – сказала Рита, высунув руку в окно. Они съехали на берег речки. Он остановил машину под деревом.

– Выйдем? – спросил он. Она согласно открыла дверцу. Поставила ноги на землю, оглянулась на него.

Под деревом он поцеловал ее. Она вблизи рассмотрела его лицо, все его морщины. Он удивился, когда она сказала ему: «Вы – красивый...» Он пожал плечами.

– Хорошо бы искупаться, – вдруг сказала она. Спустилась к воде и стала будоражить дно голыми ступнями.

Он устало прищурился на нее.

– У меня в машине есть чистые простыни. Есть чем вытереться потом. – Он стал возвращаться к машине.

Рита быстро разделась за деревом. Связала в узелок вещи. Неловко спустилась к воде, боясь поскользнуться на глиняном берегу. Не оглядываясь, как взрослая женщина, с «охом» вбежала в воду и тихо поплыла. Она плавала, плавала, пока не устала. И ни разу не повернула к берегу головы. Она никак не могла придумать, как ей выйти голой из воды при нем. Она стеснялась. Течение сносило ее левее. Вдали, в камышах, стояли два рыбака.

Вечерний свет так ложился на воду, что она сверкала черным непрозрачным цветом. Торчали только белые худые плечи. Рита подплыла к берегу, но не знала, как выходить. Она встала ногами на дно и посмотрела на фотографа. Он сидел совсем рядом у воды и прямо смотрел на нее, держа на коленях ее узелок с вещами.

– Очень красиво, – сказал он.

– Мне уже пора домой, – жалобно сказала Рита из воды.

Оба они лежат в кровати. Рита обнимает фотографа за спину. Совершив это, она расстроено плачет, словно униженная навсегда. Она плачет бесшумно, чтобы он не заметил. Если он заметит, как ему объяснить? Она уже считает, что совершила предательство. Фотограф откидывается на подушку. Он совсем не замечает ее слез. (Просто две мокрые полоски на щеках.) Он говорит:

– Схожу за сигаретами. – Встает.

Рита остается одна на кровати. Окно открыто. Ночь. Дует из окна. Она лежит, завернутая в чистую, накрахмаленную простыню. Ветер волосы шевелит, край простыни в ногах шевелит. Он приходит, садится на край постели, курит. Она ему говорит из темноты:

– Но все равно, я все думаю, все равно, если вернуть все назад, я бы опять поступила так же.

Он оборачивается. Она говорит:

– Ах будь все неладно или ладно... Длинный сегодня у меня день.

Она встает, перегибается через подоконник. Он отстраняет ее, закрывает окно, говорит:

– Не надо, можно свалиться.

Замотавшись в простыню, она ходит вокруг него в темноте.

– Почему ты вдруг так испугался... открытого окна?

– Их надо бояться. Открытое окно – это опасно, – говорит он.

– Ну скажи, что такое? Я не понимаю.

– Я был лет шестнадцати, когда моя мать разбилась. Меня разбудили утром, когда она уже была мертвая.

– Как разбилась?

– Ее стали искать, нашли на подоконнике ее туфель. Второй туфель был на ней. Она разбилась. Что это было, никто точно не знает.

Рита не стала больше спрашивать. Она помолчала, ожидая, что он сам ей что-то расскажет. Он просто курил, рассматривая ее профиль. – Ты можешь меня отвезти? Или нет, я сама... Вы лежите... – Она то говорила с ним на «вы», то переходила на «ты».

– Ты не останешься?

– Я не умею. Так сразу оставаться.

Критический солнечный день

Она шла с Мишей по улице. Она спросила его:

– Сколько времени?

– Уже час дня.

– О! – сказала она и быстро пошла к телефонной будке. Он хотел зайти в будку вместе с ней, но она незаметно не пустила в нее, вместо этого отдала ему свою сумку.

– Кому ты звонишь? – заунывно спросил он. Она не ответила, а с беспричинной радостной улыбкой прикрыла дверь. Это ему показалось подозрительным. Ему это не понравилось. Он поставил ее сумку между ног на землю, достал ручку. За ее спиной он, шурясь, стал рассматривать, какой номер она неконспиративно набирает. Он записал его по цифрам на чуть вспотевшей от волнения руке. Сомнения вызвала только первая цифра – и он поставил над ней вопрос: то ли «3», то ли «2». Записав, он сжал ладонь, чтобы она не заметила. Она как раз повернулась к нему, посмотрела на него. Он не понимал, кому она звонит.

Она звонила фотографу. Она старалась говорить с ним нейтральными словами.

– Да! Да! Приду через час! Да. – Он еще что-то ей говорил, но она, сказав самое важное, не стала рисковать дальше, а положила побыстрее трубку. Она вышла на воздух. Ей немного стыдно было смотреть в глаза Мише. Он нес ее сумку. Спросил:

– Куда ты хочешь пойти?

– Я не могу... – сказала она безропотным голосом. Она не поднимала лица, и опытному проницательному человеку сразу бы стало подозрительно, но Миша не был таким. У Риты нелегко получалось вранье. Она сделала умоляющее лицо: – Но мне очень нужно, и ты увидишь, к вечеру мы обязательно встретимся. Обязательно. – Я буду ждать, – поверил он ей. – Только не переживай так.

– Ладно. Иди, – сказала она ему, оттолкнув его пальцами. – Я буду ловить такси.

– Я помогу. Куда тебе?

Рита совсем не хотела называть, куда ей было нужно. Она, нервничая, сказала:

– Ну иди, иди. Не помогай мне.

Он, как обычно, послушался ее и пошел, оглядываясь, зажав в кулак руку с цифрами.

Вечер настал.

Рита лежала с фотографом на постели, завернувшись в полотенце. Он же, докуривая, лежал под одеялом, торчали только его голые плечи. Он говорил:

– Ну давай, иди под одеяло. – Тут позвонил телефон. Рита вздрогнула. Отчего-то она испытывала тревогу, и он уже поднес руку к трубке, она сказала:

– Не бери!.. – Но он уже взял и уверенным тоном сказал: – Да! Да. Да... – Тон с каждым «да» у него менялся. Очень удивленный, он протянул ей трубку и сказал: – Тебя какой-то Миша. Кто такой Миша?

– Боже мой... – тихо-тихо сказала Рита, зажав руками рот и правую щеку. – Ну зачем ты взял трубку?! – Он держал трубку в руке. Он хотел ее положить, разъединить. Но это было бесчеловечно. Она взяла трубку и, уже наверняка зная, что скрывать нечего, сказала: – Да... Зачем ты звонишь? Тебе не надо было этого делать. – Она говорила это с большим сочувствием. – Ой нет! Не надо, не надо, – быстро заговорила она. Фотограф тоже заволновался вслед за ней. Смешно было смотреть, как его озабоченное лицо теперь не подходило, не сочеталось с белой постелью рядом с девушкой. – Не приезжай. Не надо. Я прошу тебя, не позорься, пожалуйста, не надо, это я тебе точно говорю... – Тут их разъединило. Она потрясенно сказала: – Он сейчас приедет.

Фотограф подумал немного и возмущенно сказал:

– А кто он такой?

– А!.. – неопределенно промямлила она. Голос у нее пропал. Она ничего не могла объяснить. Все силы у нее ушли в стук сердца. Она медленно сползла с кровати, села, нащупала на стуле свою одежду, чтобы одеться и встретить Мишу одетой. Фотограф все еще продолжал лежать голым со своим неподходящим лицом, его охватывало возмущение. Он прокашлялся и сказал:

– Ну, во-первых, я его не приглашал... Она натягивала, как во сне, коричневое, похожее на школьное, платье. (Она его еще носила в школе, оно было очень старое, сшитое по старой моде, сильно обтягивающее, с белым воротником.) Оно совсем не сочеталось, в свою очередь, теперь и с голым фотографом, и с раскрытой белой-белой постелью.

– Боже, боже мой, боже мой... что мне делать, я ужасная, боже мой, – приговаривала Рита, трясая головой, полосками волос, упавших на щеки. Она даже ни разу не заглянула в лицо фотографу. Она считала себя теперь хуже всех – ей не было оправдания, она испытывала самые глубочайшие угрызения совести, самые сильные, какие она только испытывала в своей жизни до этого момента и после. Лицо у нее сделалось глубоко трагическим и растерянным. Даже изменились черты лица, как перед казнью, – они обострились. Дрожащими руками она застегивала на себе бесконечное число крючков, придуманных старой модой сбоку на платье. Она была близка к обмороку, и даже если бы ей кто-то сейчас что-то говорил, она бы все равно не услышала, потому что в голове у нее шумело, как будто ее несло куда-то по ветру с великой скоростью, в полном мраке.

– Что-что-штошто? – обернулась она к нему через плечо, посмотрела на него изменявшимся безумным немного взглядом. Он все еще вальяжно продолжал лежать, хотя сигарета его потухла рядом с его растревоженным озабоченным лицом. В свою очередь он очень дивился перемене, произошедшей в Рите. Она щелкнула последним крючком и побежала в темный коридор и остановилась у дверей, словно она ожидала ареста, никак не меньше. Она стояла в темном пыльном коридоре и слушала беззвучные звуки, и это была очень странная картина, очень странная. Сразу позвонили в дверь, не успели они даже объясниться. Звонок был длинный и трагически-решительный. Рита вздрогнула и бросилась открывать двери, но у нее даже, на удивление, не хватило сил повернуть тонкий засов на двери, так она потеряла много сил на первых переживаниях... Она беспомощно оглянулась на вышедшего к ней в халате фотографа. Вид у него был в этом халате очень красноречивый по сравнению с Ритой. Сейчас, в данную секунду, он не испытывал таких больших, глобальных чувств по сравнению с Ритой, у которой это было первое предательство в жизни – так она для себя это определила. И сейчас он был примитивен в сравнении с ней со своим затронутым за живое самолюбием и возмущением, со своим видом в «петушином» халате с голыми, видневшимися из-под него ногами. Он грозно прокашлялся и открыл дверь. Они оба, опережая друг друга, одолели общий коридор и оба разом остановились у прозрачной двери, за которой стоял Миша. Рита, прикусив кулак, зачарованно смотрела на Мишу и немного безумно улыбалась страшной и жалкой одновременно улыбкой. Ее немного шатало.

– Вы кто такой? – громко спросил между тем фотограф, продолжая играть свою непонятную роль. Голос у него был недовольный и резкий.

– Я? – серьезно отозвался из-за двери Миша, переминаясь с ноги на ногу и заглядывая на Риту. – А вы кто такой?

Фотограф вздрогнул. Двери он не открывал и, гордо выпрямившись, стоял приблизившись к стеклу, стараясь рассмотреть стоящего против света мальчика-юношу. Свет бил прямо в лицо смотревшим, как наиболее провинившимся, и стояла просто черная высокая фигура и совсем не по-хулигански переминалась с ноги на ногу...

– Ты его знаешь? – спросил фотограф, обращаясь к Рите уже другим голосом.

– Знаю, – сказала она, – это Миша.

Тогда он проявил мужество – иначе бы это было совсем не по-мужски: струсить вроде и не открыть двери, – он открыл дверь. Миша двинулся вперед, но фотограф не уступил ему дороги, а опять повторил:

– Кто вы такой?

– А вы кто такой? – спросил тот дрожащим от волнения голосом. Он был поразительно бледным, когда он приблизился, стало различимо его лицо во всех подробностях. Губы у него были тоже белыми, как будто у него вырвали сердце или вылили всю кровь. – Кто вы такой? – сказал он ужасным голосом. – Как вы можете?.. – заговорил он, не умея подобрать слова. Он оглянулся на Риту. Она сказала, продвигаясь, чтобы встать между ними:

– М-ммм-ммми... – Она встала между ними, переводя взгляд с одного на другого. Она опять стала улыбаться, как дурочка, в такой момент, рукой она стала ловить свою улыбку на лице, но никак не могла правильно попасть, чтобы зажать себе рот, а попадала то в щеку, то в лоб худой холодной рукой.

– Ты, – сказал Миша наконец, кое-как подобрав выражения, – в школьном платье, и он – старый!.. – Все, он больше ничего не мог произнести.

– Ну что? – спросил деловито холодно-оскорбленный фотограф. – Выгнать его, что ли?

– Нет... – сказала Рита, а почему она не сказала «да»? Она и сама не смогла бы объяснить. Она просто что-то произносила.

– Ну так ты что, будешь с ним разговаривать? – спросил он у нее язвительно, продолжая оставаться обиженным.

– Да. Я поговорю с ним, – отозвалась она. Он удивленно посмотрел на нее и гордо отошел в сторону, потом быстро пошел к себе в квартиру и стал поспешно одеваться, чтобы не быть больше в этом смешном халате и с голыми ногами – это-то он понял.

Миша смотрел все время в глаза, взгляд у него сделался умоляющим, он смотрел на Ритино безжизненное, «раздавленное» лицо. Он жалел его, и ненависть его куда-то ушла. Он сказал:

– Поехали отсюда. Что тебе здесь делать?

– Да, действительно... – машинально сказала она, ей было смертельно стыдно. Ее уже не существовало – ее словно убили, уличили, и у нее уже не могло вообще быть чести и гордости – так она ощущала себя в эту минуту. Она опять улыбнулась. Он поразился этой ее дикой жалкой улыбке.

– Поехали, – сказал он, и она вдруг ответила:

– Нет.

– Как нет?..

– Нет, – сказала она. На самом деле ей казалось, что теперь, с этой минуты, она не может делать еще кого-то несчастным, что уходить не надо, что уходить теперь бессмысленно. Она предала. Зачем нужны продолжения? Ей было очень больно внутри души, но из-за такого решения ей делалось совсем безнадежно плохо. Она не поднимала лица своего.

– Ну хочешь, я встану на колени? – спросил он, отчаявшись. Он встал на колени. Стоя на коленях в полуметре от нее, он не приближался к ней, и ей показалось, будто он теперь вообще брезгует прикасаться и трогать ее. Она зажала одной рукой глаза и сказала:

– Нет. Нет. Нет. Нет – уже более холодным голосом.

Это был совсем безнадежный отказ. Он понимал это по голосу, но он отказывался учитывать это свое понимание «от ума». Он тогда схватил ее за локоть и потащил куда-то вбок, на себя – на самом деле он хотел вывести ее на улицу. Она не вырывалась, она была как ватная, слабая, как истощенная. Она только скрывала свое пристыженное и трагическое лицо предательницы с белыми губами. Один белый воротничок на платье у нее из-за поспешности был завернут внутрь. Миша отвернулся от такой детали. Он потащил ее вниз, по ступенькам, оставив открытой дверь в квартиру фотографа. Он вывел ее на улицу, посадил на скамейку,

поцеловал и сказал «сейчас найду такси». Она отчужденно сидела, как будто это не она была провинившаяся, а кто-то другой ее сильно оскорбил, почти убил. Она тупо смотрела, как он стоит, ежесекундно оглядываясь на нее, и ловит машину. Наконец поймал одну. Он распахнул в ней дверцу на заднее сиденье, опять подошел, взял ее, как бессильную старушку, за локоть, повел, стал помогать зайти в машину, но Рите все никак почему-то не заходило. То нога не поднималась, то спина все никак не сгибалась, она обернулась и сказала ему:

– Нет, нет, я уже не поеду... – Она вдруг сделалась сильной, и насмешка у нее стала осмысленно уничтожающей и жестокой. На самом деле она относилась не к нему, а к ней – она, получалось, так судила только единственно себя, но не его. – Пойду, уже много времени мы здесь... – сказала она.

Машина чуть тронулась и проехала сантиметров на двадцать вперед с открытой дверцей. И шофер стал кричать что-то... Из ирреальности, которую Рита ощущала с того самого звонка, и еще когда она стояла в темном коридоре, ожидая его прихода, и еще когда она безумно улыбалась, рассматривая лица соперников, – вот из этой ирреальности жизнь возвращалась к ней своей реальностью. Но эта реальность была серого цвета, с запахом улицы, бензина и беспокойства, с умоляющими взглядами, с криками полоумного шофера, а главное – с чем-то таким ужасным, необъяснимым, что случилось с ней в жизни. И если бы ей сказали сейчас, что за это ей полагается смерть, она бы не удивилась, а приняла этот приказ как должное и даже с некоторым облегчением. Как будто у нее оторвали что-то внутри, но она была сама в этом виновата. Она сделала это своими руками. Ей казалось, что с этого момента началась правда в ее жизни. И нечестно теперь опять уезжать с ним, покидая другого. Предательство уже было совершено. Дальнейшее было нечестием еще большей. Вот так думалось ей. Она отвернулась от него. Пошла обратно обратной дорогой.

Миша пошел за ней. Она обернулась и уже автоматически, по старой какой-то врожденной привычке, вдруг сказала:

– Может, я приеду вечером...

Она поднялась наверх. Вошла в по-прежнему распахнутые двери, хотя прошло немало времени и фотограф мог бы их уже закрыть, но он не сделал этого. Она заглянула в комнату, где стояла кровать. Его там не было. Она зашла на кухню. Он сидел торжественный и тщательно одетый за столом, положив большие руки на крышку.

– Ну что? – спросил он понимающе отчего-то... – Поговорила?

– Да, – сказала она, садясь на стул напротив него.

Тогда фотограф встал, закивал – он чувствовал себя хорошо, потому что получалось, что он победил. Он стал улыбаться, и Рита улыбнулась вслед за ним. (Что это было?)

Понедельник (первая половина дня)

– Нет, ну вот только приходите через неделю, освободится это не самое ответственное место, потому что эта женщина уйдет в большой отпуск, – говорила Рите женщина-главврач госпиталя-приюта. Она остановилась возле дверей приемного отделения. – Вот это здесь. Здесь бывает не больше пятнадцати человек. – Они не открыли еще дверь, как главврач поглядела почему-то на ее волосы и сказала: – Ходите здесь только в шапочке, очень пропитываются волосы... знаете ли, запахом! – Она кашлянула. Потом вдруг предложила: – Мне вообще-то надо сейчас в столовую. Хотите посмотреть вместе со мной?

Рита сказала:

– Конечно.

В кухне при столовой никогда не был включен свет. Все серое, бесцветное. Каша, пюре, подрагивающий суп в огромных кастрюлях казались остывшими, такими же холодными, как мозаичный кафельный пол.

Здесь уже толкались санитарки с верхних этажей, гремя каталками, на которых они увозили выданный на все отделение обед, прибывали все новые. Все они возбужденно перекликались между собой и зорко-подобострастно наблюдали за главной поварихой.

Та ходила с голыми ногами в замасленных войлочных шлепанцах и до крайности коротком халате. На широкой спине он настолько натягивался, что был весь в продольных морщинах. Это она распорядилась, кому какой кусок мяса бросить, сколько отсчитать желтых проваренных кур и на какие порции их разрубить. Все было в ее власти. И санитарки ревниво за этим наблюдали, а потом получали каждая свою порцию, и некоторые иногда обижались – это делалось видно и по их лицам, – это означало, что им выдали без излишков, точь-в-точь – значит, из-за чего-то они попали в немилость поварихи.

Повариха все делала немыслимо скоро. Санитарки быстро рассасывались, с лязгом увозя с собой тележки с наполненными кастрюлями.

Рита с главврачом прошли между расступающимися девушками. Рита чуть поскользнулась на липком полу. Они прошли под ласковым и кивающим взглядом поварихи за ширму, где стоял «дегустационный» стол.

А как заражала эта атмосфера взаимной слежки и предвкушения обеда! На ходу санитарки жадно отщипывали от куриц кусочки мяса и проглатывали их на ходу, словно не в силах сдержаться от голода. «Какие мы голодные, – как бы говорили их возбужденные блестящие взгляды, – но ничего. Сейчас мы наедемся. Что там у нас?» И они двумя пальцами поднимали крышки с кастрюль, нюхали желтый казенный пар из супов, и лица их веселели.

– Отобедаете с нами? – спросил какой-то парень в грязном халате на голое тело, наклоняясь к главврачу и Рите с улыбкой.

Рита встала и сказала:

– Я появлюсь через неделю.

– Ага, – сказала ей врачиха с сияющим «продажным» выражением на лице.

Рита, уже ступая осторожно и опасаясь поскользнуться, вышла из кухни. Прошла мимо столовой, огромной, откуда доносился стук железных ложек о дно тарелок, словно это была не больница, а тюрьма.

На улице Рита остановилась и понюхала прядь своих волос – она действительно пропиталась каким-то особенным тошнотворным запахом.

Понедельник (вторая половина дня)

К вечеру, когда на улицах поднялся ветер, вышли гулять парами и четверками приезжие мужчины, настало время, когда вот-вот включат фонари. Рита пришла к фотографу на свидание к нему в дом. Она с удовольствием сначала рассмотрела его большую дубовую старую дверь, прежде чем позвонить. Она хотела позвонить торжественно и значимо дважды, но волею судьбы получилось единожды и очень кратко (это было похоже на то, что происходило у нее в душе). Она послушала, нет ли приближения шагов, как это всегда слышится за всеми дверьми, но дверь открылась для нее неожиданно бесшумно, причем незнакомым молодым человеком с голыми ногами, в халате, под которым ничего не было. Молодой «доктор» завертелся на месте вокруг себя, приговаривая: «Вы уж простите, сейчас я свет найду, где же здесь свет найти?..» На лице у него была мефистофельская острая негустая бородка. Волосы были черные, кольцами, особенно на висках. Рита услышала голос фотографа, немного изменившийся, чуть полупридушенный: «У вешалки, у вешалки кнопка!..» – и легкое поскрипывание и удары во что-то деревянное. Рита с улыбкой обошла бедного белого молодого человека с обнаженными ногами и розовыми ладонями, хотя тот уже нащупал кнопку под вешалкой и включил свет в коридоре, и уже сделал встречающее лицо, и уже сложил губы, чтобы что-то произнести. Но Рита с извинением на лице обогнула его и заглянула в большую светлую комнату, откуда только что говорил фотограф. Фотограф лежал на длинном высоком столе посередине просторной комнаты под самой лампой на белой простыне, чем очень сразу напугал Риту. Фотограф скосил глаза и в одну минуту прикрыл свое тело, так что Рита не успела даже поглядеть на него, желтым клетчатым пледом и сказал:

– Ну что? Раздевайся...

Рита опустила глаза, опомнившись, чтобы фотограф не стеснялся ее, и, повернувшись к молодому человеку с благоговейным лицом, спросила громко:

– А вы тут что делаете?

Тот стыдливо и еще более благоговейно потер руки и тихо пояснил:

– Я массирую...

Рита расстегнула плащ. Массажист сказал:

– Я, простите, не встречаю, не ухаживаю... – Он взял у нее из рук плащ, повесил его на крючок. Она прошла первой в комнату и быстро заговорила-заговорила, обходя стол с лежащим на нем фотографом вокруг и не отрывая взгляда от его лица с набухшими морщинами под резким близким светом люстры:

– Давно ли вы? Я же помешаю вам. Я могу выйти в другую комнату, мне так и следует сделать, я уйду, уйду, и тебе не придется прикрываться, вы массируете все тело? Или что? Только, может быть, спину?.. – спрашивала она, не интересуясь ответами. И про спину она спросила зря, потому что он лежал именно на спине... Рита заговорила, все более отчего-то волнуясь и заражаясь этим волнением. – Но почему ты лежишь на столе, почему? У тебя такое лицо, что плохая примета – лежать на столе, – с ходу придумывала она «приметы». Массажист по-рабочему, как-то по-простому улыбался, не вникая в смысл ее слов, а только благодушно и благодарно всматриваясь ей в лицо. Они обменялись понимающими взглядами: голова фотографа со стола и нависшая над ним голова массажиста.

– Так нет, отчего же ты должна уходить, напротив, не уходи, я не стесняюсь, – опять сдавленным «лежащим» голосом проговорил фотограф.

– А мы, собственно, все... – вставил приветливый массажист, но Рита прервала его скромный голос и спрашивала опять:

– Но отчего ты накрыт одеялом, сними одеяло, массируйся: ничего стыдного в этом нет... – как бы уговаривала она его.

– Когда тело отмассировано, – опять вмешался массажист, – на нем нужно сохранять тепло. Поэтому-то и одеялом, одеялом... его, – вывернулся он из своей «народной» фразы. Он улыбнулся. Взял непокрытую руку фотографа, стал потряхивать ее, потом схватился своей розовой рукой за его пальцы и стал каждый по отдельности палец потирать с особенным, как Рите показалось, старанием и усердием, как будто он сдавал экзамен. Фотограф с беззащитным лицом лежал на белой простыне: то он с какой-то высшей «покойницей» покорностью глядел в потолок, то оборачивался на Риту, хотя это было неудобно для его шеи, и улыбался ей многозначительно. Потом он даже высунул язык – но это у него не получилось, потому что он не умел делать этого, это ему было несвойственно, и делал он это первый раз в жизни. Но он подумал, как-то так, наверно, нужно делать для нее, молодой, – она должна оценить это. Он улыбнулся. Она поправила на нем одеяло и, чтобы больше не смотреть на это зрелище, отошла к окну.

После массажа фотограф спрыгнул на деревянный пол голыми ногами со стола – Рита спиной услышала этот звук и специально не повернулась, чтобы не застать опять какое-то неловкое его положение. Она не хотела «ронять» его в своих глазах и в его глазах. Она переждала немного и повернулась, когда он уже натягивал через голову свитер, а его массажист, как подручная женщина на стройке, бегал с узелком своих вещей и по-церковному приговаривал: «Куда же мне, придется бы...»

Они совместно отвернули простыню со стола, и под ней показалась белая крахмальная скатерть. Массажист с радостным уважительным выражением на лице присел на самый краешек стула, сложил свои наработавшиеся мягкие руки на коленях и, склонив затылок, ждал, когда фотограф наполнит каждому по бокалу вина. По звуку из бутылки он каждый раз правильно догадывался и поднимал голову как раз в тот момент, когда чей-то бокал был наполнен, убедившись, что он наполнен, массажист опять скромно опускал глаза. Он поджидал, когда его позовут, специально пригласят, он боялся навязываться и вел себя предельно скованно и тихо. Фотограф поднял свой бокал. Остальные взяли за свои, тоже сжав стеклянные ножки у самого основания.

– Если именно у самых ножек держать рюмки, получается красивый звон! – не выдержала и поучила всех Рита.

Массажист покашлял, выпрямился, тряхнул своей курчавой головой, невольно обращая на себя особое внимание, и сказал:

– Выпьемте за мое вхождение в эту семью!

Фотограф растроганно усмехнулся. Рита обернулась, посмотрела соответственно произнесенным словам кругом, словно бы осматривая «семью», в которую «вошел» массажист. Они переглянулись между собой, не чокаясь, и выпили каждый до дна.

Фотограф надел очки для близкого расстояния, пододвинул к себе какую-то бумажку, чиркнул в ней что-то и спросил уже более житейским тоном:

– Ты у меня какой сеанс? Восьмой?

– Седьмой, – честно, с предельно честным лицом выпрямился массажист, ставя перед собой аккуратным жестом бокал. Скатерть была мягкая, в складках.

– Седьмой?... – Фотограф снял очки. Посмотрел на Риту и спросил у нее врасплох: – У тебя есть деньги? – Она покраснела, оглядываясь на постороннего массажиста, и кхекнула. – Ты говори, – серьезно повторил он ей, – у меня есть...

– Нет, – сказала Рита, стараясь говорить ровно и безразлично, но получалось с жалкими ненатуральными интонациями.

Фотограф вместе с массажистом с психологическим сомнением посмотрели на нее. Тогда она три раза повторила на разные лады, как в песне:

– Не надо мне!.. Не надо... мне не надо, нет... Этим она как-то убедила их, они оба отвели от нее взгляды и уже переглянулись между собой.

Еще один день вместе

Фотограф уже был достаточно пьяным, его шатало из стороны в сторону. Он поставил бутылку на землю рядом со своей машиной и сказал Рите: «Ты же меня не любишь...» Он вздохнул. Рита покачала головой. Он открыл машину, сел в нее.

– Куда ты? – сказала она ему, наклоняясь. – Ты же пьяный. Я тоже тогда с тобой.

Они оба уселись в машину. Оба они были достаточно пьяными. Рита смотрела сквозь стекло, и ей все время казалось, что стекло грязное, она несколько раз протирала его рукой. Фотограф завел мотор. Поехали. Улочка была узкая, пустынная. Он развил скорость предельную и стал гонять из одного конца улочки в другой. Скорость была просто бешеная. Рита, побелевшая, героически молчала. Чудом им никто не попался на пути. Так они проехали по этой улочке раз пять туда-обратно, удовлетворяя пьяное лихачество. Было весело и без всякой музыки, просто под шум мотора и шин и тормозов каждый раз при развороте. Но на шестой раз в конце улочки, там, где она переходила через две колонны в другую улицу, им попались две нарядные женщины, взявшиеся под ручки. Фотограф несся прямо на них. И затормозил сантиметрах в десяти от их спин. Причем они еще, увидя, что на них несется автомобиль, завизжали и еще своим ходом бежали, как могли быстро, метров десять. Фотограф затормозил. Женщины были лет сорока, в блестящих сверкающих платьях, на каблуках, довольно полные, напудренные, завитые – им никак не шел их взволнованный перепуганный вид. Они стали заглядывать, наклоняясь, в ветровое стекло машины и что-то тонко кричать. Фотограф сдал назад и, отъехав метров на тридцать, опять разогнался и опять стал с бешеной скоростью наезжать на этих двух. Они тут же перестали ругаться, опять закричали и побежали на каблуках в сторону колонн, чтобы спрятаться за ними. Он опять затормозил довольно точно сантиметрах в пяти-десяти от их убегающих юбок. – Что ты делаешь? – проговорила Рита. Она немного отрезвела. Женщины не стали больше кричать, а сначала добежали до спасительных колонн, скрылись между ними и опять что-то закричали.

Фотограф опять сдал назад. Разогнался... Тут появился постовой в форме. Фотограф сдал еще назад. Они уехали в другой конец улочки. Бросили машину и побежали дворами: впереди фотограф, за ним – Рита. Оба немного отрезвели. Рита спросила на ходу:

– Куда нам теперь?

Он забежал в подъезд. Они поднялись на второй этаж. Он позвонил в дверь. Ему открыл какой-то низенький мужчина, предварительно спросив: «Кто там?» – «Это я!» – ответил фотограф, и тогда дверь открылась, видно, его уже знали по голосу.

– Быстро, быстро! – сказал фотограф, забежал в квартиру, захлопнул дверь. – Мы машину бросили, – сказал он.

– Давай, давай, – снисходительно сказал низенький мужчина и ушел в комнаты.

– Это кто? – спросила Рита.

В коридор к ним вышла девочка лет пятнадцати-шестнадцати с раскосыми глазами, с белым лицом.

– Это моя дочь! – сказал фотограф. Дочь улыбнулась ему и улыбнулась Рите. Все пошли на кухню. Дочь села в угол и неожиданно и удивительно для Риты закурила, и все молчали и ничего не говорили ей.

Опять стали выпивать, только уже вместе с низеньким мужчиной. Тот, осушая рюмку, говорил фотографу, глядя на Риту:

– Ты совсем с ума сошел, это уже старческий маразм, это ненормально! Это у вас какая разница? Тебе же шестьдесят почти... скоро... Фотограф пьяно улыбался, не обижаясь и

вообще простительно и по-доброму реагируя на каждое слово. Он стоял почему-то, ему хотелось быть выше всех сидящих, чтобы все смотрели на него и чтобы Рита тоже смотрела на него.

Рита встала, вышла в коридор. Но куда ей уходить? Она тогда не стала возвращаться в кухню, а вошла в комнату, маленькую, где стояло пианино. Она открыла его. Нажала на несколько клавиш. Вошел низенький непонятный ей хозяин и сказал:

– Если вы сыграете мне вот по нотам, то я буду восхищен! Я быстро пьянею, извините, – добавил он, прикрываясь ладошкой, чтобы избавить ее от запаха.

Он взял первые попавшиеся ноты с пианино, раскрыл их, поставил перед Ритой. Она с трудом стала разбирать мелодию сразу двумя руками. Получалось у нее очень медленно. Хозяину стало скучно стоять рядом с ней и дожидаться, когда она разберется. Он ушел. Рита захлопнула крышку и вернулась в кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.